

УДК 94(47).084.6

Е.И. КРАСИЛЬНИКОВА

**ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ЗАПАДНОСИБИРСКИХ ГОРОДАХ 1930-х гг.:
КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ**

канд. ист. наук,
Новосибирский государственный технический университет
e-mail: katrina97@yandex.ru

Статья посвящена коммеморативной составляющей октябрьских торжеств, устраивавшихся, как и во всей стране, в крупных городах Западной Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул) в 1930-х гг. Автор выявляет происхождение октябрьских праздничных практик, характеризует их значение для репрезентации определенных форм коллективной памяти и выражения политической солидарности. Объясняется специфика праздничных коммемораций 1930-х гг. в сравнении с предыдущим десятилетием.

Ключевые слова: октябрьские торжества, коммеморация, политика памяти, государственные праздники.

В исторической науке последних лет заметно возрос интерес к советским массовым праздникам. Среди исследований по истории государственных праздников, обращенных к торжествам 1930-х гг., имеются и обобщающие работы (см., например: [1]), и труды, выполненные на основе анализа региональных материалов (см., например: [2; 3; 4]). Однако до сих пор практически не исследовался коммеморативный аспект советских праздников 30-х гг. XX в., хотя анализ этого вопроса актуален в перспективе осмысления роли исторической политики государства в формировании и трансляции идеологических концептов. Под коммеморацией мы подразумеваем сознательный акт передачи мировоззренчески значимой информации путем увековечения определенных лиц и событий [5, с. 3]. Цель настоящей статьи – охарактеризовать коммеморативную составляющую октябрьских торжеств 1930-х гг. в крупных городах Западной Сибири (Новосибирск, Томск, Омск, Барнаул). Сценарии праздников в этот период сохраняли преемственность с дореволюционной эпохой и первым десятилетием советской власти, новая идеология выражалась в привычной, десятилетиями использовавшейся форме. В наши задачи входит определить и описать эту преемственность. Мы также отметим влияние на коммеморации, связанные с октябрьскими торжествами, контекстов социально-экономической и повседневной жизни, а также политики государства.

Как до Октябрьской революции, в 1920-х гг., так и в 1930-х гг. сценарный шаблон государственных праздников оставался типичным. Он включал военный парад, демонстрацию, которая заменила дореволюционный крестный ход, митинг, пришедший на смену божественной литургии, торжественное заседание горсовета (до революции торжественно заседала городская дума), собрания в клубах, бесплатные теат-

ральные постановки на исторические и политические темы, кинопремьеры, выставки, связанные с праздничной тематикой. Каждый структурный элемент праздника актуализировал коллективную память, укреплял идентичность сторонников действовавшей власти, способствовал расширению границ этой социально-политической группы.

С 1920-х гг. в стране сложилась практика организации в городских клубах, на предприятиях и в учреждениях культуры вечеров воспоминаний участников и свидетелей военно-революционных событий (они проводились, как правило, 6 ноября). Используя массовые вечера воспоминаний, работники агитпропа демонстрировали главенствующее участие очевидцев событий 1917–1920 гг. в формировании официального «октябрьского» нарратива, который должен был стать основой коллективной памяти сибиряков. Со временем контроль агитпропа за речами докладчиков возрастал, тексты их выступлений тщательно вычитывались и «прорабатывались» организаторами вечеров. Дополняя слова мемуаристов, пропагандисты выступали сами с краткими обобщающими докладами о причинах революции, ее завоеваниях, всемирном значении и т.п. [6, с. 69].

В 1930-е гг. вечера воспоминаний и публичные читки трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина о революции в ходе «летучек» начинались за две-три недели до самого праздника. Чтение трудов вождей, отрывками публиковавшихся в газетах, проходило под лозунгом изучения истории революции. Понятно, что новых сведений о революционном движении в Сибири и Советском Союзе эти труды не добавляли. Хотя имеются примеры проведения вечеров воспоминаний, посвященных «поколению, воспитанному революцией»¹, в

¹ Накануне 15-й годовщины революции // Красное знамя. 1932. 5 окт.

целом все меньше внимания уделялось живым, индивидуальным, не звучавшим ранее рассказам об Октябре и Гражданской войне. К тематике воспоминаний добавлялись сообщения об успехах промышленного строительства. Эта тема тенденциозно вытесняла собственно революционную проблематику.

Однако в октябрьские дни 1930-х гг. Истпарт и отдельные группы Сибирского землячества, куда входили старые большевики, устраивали и более целенаправленные вечера воспоминаний. Их цель состояла в сборе материала о революции и Гражданской войне. Формально приуроченные к революционным датам, эти мероприятия фактически посвящались периоду с 1917 до 1922 г. Участниками таких вечеров были старые подпольщики. Они стремились к установлению точности в спорных моментах и предпринимали попытки обобщения данных, составлявших основу коллективной памяти их группы (предлагали, к примеру, периодизацию истории подпольной работы в Сибири). Складывается впечатление, что участники этих вечеров продолжали и в 1930-е гг. жить Гражданской войной. Их доклады и диалоги проходили в атмосфере погружения в прошлое. В докладах часто повторялись одни и те же сюжеты, что свидетельствовало о многократных обсуждениях подпольщиками этих тем, составлявших каркас их живой коллективной памяти.

Столь характерное для 1930-х гг. прославление И.В. Сталина и привязка революционного героизма к успехам послевоенного развития страны здесь не акцентировались. Можно даже сказать, что к современности эти люди относились слегка отстраненно, по крайней мере, совместно предаваясь воспоминаниям. Они считали свои воспоминания большой ценностью, сетовали на скорое забвение героев и жертв Гражданской войны, старались назвать под запись имена тех, кто не был широко известен в 1930-е гг., понимая, что в противном случае об этих людях, отдавших свою жизнь за революционные идеалы, уже больше никто не вспомнит. Характерно высказывание подпольщика А. Денисова: «В части погибших товарищей я должен сказать, кроме этой семьи Шамшиных, которая была наиболее героической, погибло еще много товарищей из профсоюзов: Федосеев, Крылов, Кузьмин, Леонтьев, Криворучко, Богданов»². Однако уже на этих вечерах звучала мысль о том, что из-за высокой степени конспирации большевиков и значительных людских потерь более ли менее точная реконструкция истории подпольной борьбы вообще невозможна, невосполнимо утрачены и имена многих погибших подпольщиков.

Содержание воспоминаний охватывало уже известные в целом историкам и общественности сюжеты, однако новизну этим рассказам придавало освещение деталей и проявление личных переживаний докладчиков. 10 ноября 1932 г. революционерка В. Бердникова в красках рассказывала об аресте

членов президиума Новониколаевского совдепа и их расстреле. Она видела их изуродованные тела, слышала от очевидцев о деталях расправы с ними, участвовала в организации их похорон³. На следующем собрании В. Бердникова говорила об агитационной работе против А.В. Колчака среди поляков, о деятельности польской контрразведки, о тюрьме, откуда ей удалось бежать. Выступавший после нее А. Денисов рассказывал о послевоенной обстановке в городе, охваченном тифозной эпидемией. По его мнению, этап преодоления тифа и разрухи был неразрывно связан со всеми предыдущими событиями. В живой памяти поколения рассказчика Гражданская война окончилась лишь тогда, когда были очищены города, решены проблемы голода и инфекций. В докладах подробно рассказывалось также и об арестах рабочих белополяками, их «зверствах», о самоубийстве подпольщицы Дуси Ковальчук в тюрьме и т.п.⁴

При анализе источников складывается впечатление, что хотя перед истпартами 1930-х гг. и стояла задача работы с воспоминаниями подпольщиков, их рассказы активно не тиражировались. Подпольщики, уже спокойно поживавшие на лаврах, жили, скорее, своим героическим и драматичным прошлым, а не будущим, что не соответствовало идеологическому духу времени. Поэтому, можно полагать, что вечера воспоминаний подпольщиков нужны были, прежде всего, им самим. Встречи и беседы укрепляли их сообщество и морально их поддерживали.

Массовые праздничные торжества 7 ноября обязательно открывались военным парадом и демонстрацией. Демонстрация начала 1920-х гг. стремилась, как к конечной цели, к братским могилам жертв Гражданской войны, имевшимся в каждом городе. Там устраивался митинг с целью поминовения героев и воодушевления их примером уцелевших в огне войны борцов за идеалы революции [6, с. 69–70]. Начиная со второй половины 1920-х гг., братские могилы перестали быть доминантным объектом на пути следования демонстрантов. Уникальным был случай, когда в 1930 г. газета «Красный Алтай» упоминала движение демонстрантов к братским могилам с целью им «поклониться»⁵. Популярным элементом шествия демонстрантов в 1930-х гг. стал карнавал. Все клубы предприятий и организаций получали задание подготовить костюмированное шествие по заданной теме. Так, в Барнауле в 1930 г. готовились по теме «Выполнение производствами промфинпланов»⁶. Обязательным элементом торжества был митинг демонстрантов на центральной площади, лейтмотивом которого также являлся отчет партийных лидеров города об успехах индустриализации. Историческая тематика на демонстрациях 1930-х гг. становилась все менее актуальной.

³ Там же. Оп. 4. Д. 1715. Л. 16–18.

⁴ Там же. Оп. 3. Д. 92. Л. 229.

⁵ Демонстрация 7 ноября // Красный Алтай. 1930. 10 нояб.

⁶ Готовимся к Октябрю // Красный Алтай. 1930. 4 нояб.

² ГАНО. Ф. П-5. Оп. 3. Д. 92. Л. 105.

До революции местные городские власти стремились приурочить к официальным государственным праздникам и памятным датам культурной жизни основание либо открытие церквей, часовен, памятников и различных социальных учреждений, создававшихся обычно на средства меценатов и народные пожертвования. В первой половине 1920-х гг. эта традиция обрела преемственность в виде закладки и открытия памятников на братских могилах жертв Гражданской войны, мемориальных досок, клубов и т.п. В годы форсированной индустриализации к 7 ноября открывали преимущественно не мемориальные объекты, а объекты, актуальные в контексте промышленного строительства. Например, «подарком к Октябрю» жителям Омска в 1935 г. стал новый мост через Иртыш. Впрочем, можно найти и коммеморативный смысл в этом «подарке». В 1919 г., отступая из Омска, армия А.В. Колчака взорвала мост через Иртыш, и советская власть символически восстанавливала порядок и стабильность, возвращая городу мост. Теперь городские предприятия ежегодно открывали к 7 ноября ясли, бани, пускали по маршрутам новые автобусы и т.п.⁷

Однако особо следует отметить открытие 7 ноября 1935 г. памятника В.И. Ленину в Томске на площади Революции. Автором проекта монумента был художник В.В. Козлов, отливался памятник в Ленинграде⁸. Деньги на его создание профсоюзы организовано собирали, начиная с 1931 г.⁹, открытие памятника планировали на 1932 г., но работы затянулись. На торжественном митинге секретарь горкома партии произнес краткую, но емкую речь: «Разрешите памятник гиганту революционной мысли Владимиру Ильичу Ленину считать открытым! Вперед под знаменем Ленина–Сталина к новым победам!»¹⁰. Собственно, о Ленине секретарь горкома практически ничего не сказал, зато выкрикнувший им лозунг в сочетании с мощным воздействием наглядной агитации на демонстрантов должен был иметь эффект пули, точно бьющей в цель. Недаром автор газетного репортажа об открытии памятника зафиксировал восторг и ликование толпы. Стоит упомянуть и памятник В.И. Ленину, открытый в Барнауле на Ленинском проспекте 7 ноября 1938 г.¹¹

Вечером 7 ноября обычно устраивалось расширенное заседание городского совета и торжественные заседания руководителей различных советских учреждений. Главной темой выступлений докладчиков в 1930-е гг. стало подведение итогов экономического и культурного строительства за весь послевоенный период. Особую актуальность приобрела эта тема в 1932 и 1937 гг. (15-летие и 20-летие Октября). Однако

сохранялся и традиционный коммеморативный элемент сценария заседания, который усилился к середине 1930-х гг.

В начале мероприятия обычно вспоминали имя В.И. Ленина, затем называли имена других «борцов, погибших за идеалы большевизма», список которых заметно прирастал именно в 1930-х гг. (Я.М. Свердлов, Ф.Э. Дзержинский, М.В. Фрунзе, С.М. Киров, В.В. Куйбышев, Г.К. Орджоникидзе). После оглашения этого списка звучал траурный марш. Этот момент заседания служил собравшимся напоминанием идеологической формулы: чем существеннее наши экономические достижения, тем острее классовое сопротивление врагов народа, тем дороже жертвы, которые приносит народ, упорно строящий социализм. Если не удавалось найти доказательств тому, что «погибшие борцы» были убиты (умерщвлены) врагами, констатировалась их смерть от истощения сил в тяжелой борьбе за социалистические идеалы. Показательно, что на торжественных заседаниях горсоветов, посвященных годовщинам Октябрьской революции, уже не вспоминали тех, кто погиб именно в 1917–1920 гг., минута молчания посвящалась преимущественно ушедшим героям Советской страны последних лет. Не заострялось внимания и на героях местной революционной истории. Доклады, посвященные колоссальным успехам индустриализации, демонстрировали оправданность жестокой классовой борьбы, доказывали, что «любимцы советского народа» не напрасно положили жизнь на алтарь большевистских идеалов.

Торжественные заседания этих лет были невероятны помпезными. Ораторы пользовались любой возможностью прославить вождя в пламенной речи. С середины 1930-х гг. при формировании президиума заседания в первую очередь в него заочно избирали И.В. Сталина, а затем и других политических лидеров государства. Каждое упоминание имени вождя вызывало волну продолжительных рукоплесканий, заканчивалось заседание речами, прославлявшими И.В. Сталина.

По уже сложившейся к 1930-м гг. традиции, в городских музеях и архивах устраивались к празднику бесплатные выставки. Они посвящались революционной истории, хозяйственным и культурным достижениям последних лет¹². С течением времени экономические выставки становились все более актуальными и даже подавляли тему революции. Если в 1932 г. в октябрьские дни архивное бюро Омска выставляло документы лишь дореволюционного периода и 1917–1920 гг.¹³, то годом позже эти документы были дополнены выставкой материалов по экономическому развитию Сибири с дореволюционных лет до современности¹⁴. Популярными в эти годы были выставки в окнах музе-

⁷ Подготовка к Октябрю // Красное знамя. 1931. 5 нояб.

⁸ Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 80. Оп. 1. Д. 198. Л. 37–38.

⁹ Там же. Д. 273. Л. 1.

¹⁰ Кескер В. Великий праздник // Красное знамя. 1935. 10 нояб.

¹¹ Памятник В.И. Ленину в Барнауле // Алтайская правда. 1938. 11 нояб.

¹² Выставка к празднику // Рабочий путь. 1930. 2 нояб.

¹³ Хроника октябрьских дней в Омске // Рабочий путь. 1932. 6 нояб.

¹⁴ Зрелищные предприятия в октябрьские дни // Рабочий путь. 1933. 7 нояб.

ев и учреждений, которые можно было бегло, на ходу осмотреть с улицы. Среди таких выставок встречались коммеморации: например, макет шалаша В.И. Ленина в витрине томского универмага¹⁵. Среди кинолент, демонстрировавшихся в октябрьские дни, можно упомянуть такие фильмы революционного цикла, как «Броненосец “Потемкин”», «Москва в Октябре», «Герои домны», «Два броневика», детские картины «Хочу быть летчицей», «Адрес Ленина»¹⁶; «Путевка в жизнь», «Два друга, медаль и подруга»¹⁷.

Документы, относящиеся к 1930-м гг., позволяют судить о некоторых повседневных проблемах в организации октябрьских торжеств, которые неизбежно отвлекали собравшихся от основной темы мероприятия. Это теснота клубных помещений, «хождения» и шум в зале; неизбежные спутники российских праздников – алкоголь и драки пьяных. В 1931 г. художественная часть праздника, устроенного в одном из томских вузов, привлекла такое количество желающих насладиться зрелищем, что возникла настоящая давка. Пожарный, которому поручено было следить за порядком, разогнал «давившихся» студентов и рабфаковцев струей воды из пожарного рукава. История этого «торжества» окончилась судебным разбирательством. Когда партийных руководителей призывали к ответу за пьянство пролетариев в революционный праздник, они разводили руками и говорили: «Почему была пьянка? Потому, что рабочий класс пьет, а вы не пьете?»¹⁸.

Современниками отмечался тот факт, что уже в начале 1930-х гг. праздник Октября многими стал восприниматься «как обыденное явление: пришли, посидели на заседании, попили чаю, потанцевали, и всё»¹⁹. К октябрьским торжествам народ стал привыкать. Уровень жизни в эти годы был гораздо выше, чем в начале 1920-х гг., когда достать красную материю для декорирования и отопить помещение для торжественного вечера было трудно, когда речи не могло идти об угощении собравшихся, а само торжество воспринималось как серьезное мероприятие. Теперь же, несмотря на помпезность и официоз, для большинства произошло своеобразное «обмирщение» октябрьских торжеств. Улицы городов и праздничные залы в это время красиво декорировались, демонстрации и карнавалы пестрели пышным оформлением.

В 1930-х гг. коммеморативная составляющая этого праздника ослабла по сравнению с предыдущим десятилетием. Теперь октябрьские торжества были четко ориентированы на современность, на легитимацию действовавшего режима. Уже в 1930 г. главное содержание октябрьских торжеств определялось как пропаганда пятилетки, культурной революции, решений XVI партсъезда²⁰. Очевидна и тенденция подавления сибирского нарратива революции и Гражданской войны общесоветским.

Итак, в 1930-х гг. сохранялась преемственность в формах организации октябрьских торжеств относительно предшествующих периодов. Однако, если к середине 1920-х гг. из дня памяти и скорби 7 ноября постепенно превращается в день торжества успехов современного развития экономики, общества и культуры, то в 1930-х гг. это смысловое значение праздника становится доминирующим. Праздничные коммеморации еще более унифицируются, на уровне массовых торжеств происходит подавление разных вариантов коллективной памяти об Октябре и Гражданской войне их «правильными» идеологическими репрезентациями; коллективная память сибиряков постепенно вытесняется общегосударственным метанарративом Октября.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ральф М. Советские массовые праздники. М., 2009.
2. Котылева И.Н. Праздничная культура европейского Северо-Востока России в 1918 г. – начале 1930-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 2005.
3. Мордасова М.А. Праздничная культура Южного Урала в 1917–1941 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2005.
4. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011.
5. Святославский А.В. Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурол. М., 2012.
6. Красильникова Е.И. Коммеморативный аспект октябрьских торжеств в западносибирских городах 1920-х гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 68–71.

Статья поступила
в редакцию 18.11.2012

¹⁵ Октябрьские огни // Красное знамя. 1935. 10 нояб.

¹⁶ Зрелищные предприятия в октябрьские дни // Рабочий путь. 1933. 7 нояб.

¹⁷ Накануне 15-й годовщины Октября // Красное знамя. 1932. 5 нояб.

¹⁸ ЦДНИТО. Ф. 80. Оп. 1. Д. 121. Л. 35–45.

¹⁹ Там же. Л. 44.

²⁰ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 326. Л. 60.